

Фаддей Булгарин

Ничто, или Альманачная статейка о ничем

Фаддей Венедиктович Булгарин Ничто, или Альманачная статейка о ничем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18909936

Аннотация

«В течение шести лет я в первый раз попал в общество Литераторов и, так называемых, любителей Словесности, именно у нас, на Новоселье. В эти шесть лет произошла большая перемена в наших литературных обычаях, чувствованиях, связях и взаимных отношениях, как будто бы каждый протекший год поглотил целое десятилетие. Я увидел новое поколение Писателей – и не узнал старого. В течение сего времени, одних вел Аполлон вперед, а Фортуна подталкивала, других Аполлон отталкивал, а Фортуна лелеяла. Третьим благоприятствовали оба сии божества... Но об этом ни слова более. Довольно того, что вот мы, Писатели, все вместе у вас, как в Иосафатовой долине!...»

Фаддей Булгарин

Ничто, или Альманачная статейка о ничем

(Письмо к А. Ф. Смирдину)

*«Meine Bitterteit edmmt nur aus den Galldpteln
meiner Dinte, und menn Gift in mir ist, so ist es doch nur
Gegengist.»*

Geine¹

В течение шести лет я в первый раз попал в общество Литераторов и, так называемых, любителей Словесности, именно у нас, на Новоселье. В эти шесть лет произошла большая перемена в наших литературных обычаях, чувствованиях, связях и взаимных отношениях, как будто бы каждый протекший год поглотил целое десятилетие. Я увидел новое поколение Писателей – и не узнал старого. В течение сего времени, одних вел Аполлон вперед, а Фортуна подталкивала, других Аполлон отталкивал, а Фортуна лелеяла. Третьим благоприятствовали оба сии божества.... Но об этом ни слова более. Довольно того, что вот мы, Писатели, все вместе

¹ «Горечь моя проистекает единственно из чернильных орешков, входящих в состав моих чернил, и если во мне есть яд, то это не яд, а только противоядие....» *Гейне*.

у вас, как в Иосафатовой долине!

Бывало, Литераторы, собираясь вместе, сливались в одну душу, как искры Шампанского в одной рюмке. Ныне, они сходятся, и притом так плотно, как косточки игры домино – но только не спаиваются. Ужели и Литераторов, как игорные косточки, разделяет *интерес*? – Хотя бы я знал, но не скажу.

Чту и уважаю всех великих и малых моих Парнасских собратий; но должен признаться, что в этот день душа моя была так сжата, как книга в тисках переплетчика, а язык висел во рту, как незаведенные часы на стальном крючке у часового мастера. Из всех чувств только *вкусу* было *хорошо*. *Зрение* страдало от необычайной пестроты; органам *слуха* было больно от нестройных похвал и вежливости; *обоняние*, как чутье оленя, следило ловцов и сети, а *осязание* сообщало сердцу – дрожь, при каждом неискреннем пожатии моей руки. Какая-то тоска давала мне предчувствовать, что я в этот день должен разрешиться, непременно, какою-нибудь глупостью!

После обеда, когда поднесли мне лист бумаги, на котором написаны были имена Литераторов, изъявивших желание составить для нас Альманах, – я, взглянув на список, забоялся, чтобы *гласные* буквы, в некоторых из сих имен, не заревели от ужаса, встретясь с согласными буквами в других именах, отвергающих *союз* даже в Грамматике. Если бы все сии имена закупоришь в бутылку, думал я, но бутылка верно лопну-

ла б от брожения. Хорошо, что эти имена встретились за бутылкой!..

Я вписался *последним* в список лучезарных имен, но все не от уничижения, а потому, что *последнего* места я никогда не почитаю *нижайшим* или *унизительным*, ибо знаю много случаев, где похвальнее быть последним чем первым; например, в *ретираде*, в *передней*... Но довольно и этих двух примеров. Конечно тем, что исполняю мое обещание.

Но как исполняю? Вот задача! Все почтенные и высокопочтенные мои собратья Парнасские, вероятно, дадут вам статьи, высоко ценимые нами – статьи важные, полновесные, а потому вам именно будет недоставать того, что даю я, – а я даю вам *ничто*. Не пренебрегайте *ничем*, любезнейший Александр Филиппович! *Ничто* есть тоже, что *нуль*, а от сочетания *нулей*, с *единицами* родятся миллионы.

Верьте мне, *ничто* не есть вещь незначительная. Напротив того, *ничто* есть мать *всего*. Оглянитесь на ваши полки с книгами, и порассудите, чем держались многие наши Журналы, чем начинены наши расславленные Романы, наши медные Поемы, Повести, Баллады, Оды, Анакреонтики, Песни и Сказки! – Ей Богу, *ничем!* – Что есть авторская слава? – При родне, покровительстве и искательстве, это ключ к почестям, а без этого – *ничто*, вещь, за которую не дадут квасу напиться. – Но это *ничто* имеет свою прелесть, как всякое *ничто*, составляющее цель жизни и занятия большей части людей. Уверяю вас честью, что если б в вашем

книжном магазине и в вашей Библиотеке для чтения не было такого множества *ничего*, то вы не имели бы такого множества покупателей и читателей. Величайшая истина, суцая философическая аксиома есть та, что люди более всего любят *ничто*, и всю жизнь роняются за *ничем*.

Взгляните из окна вашего на Невский проспект – этот мир в миниатюре, и пробегите умственно по богатым магазинам, которыми гордится Петербург, как кокетка нарядом, что вы в них найдете? Прелестное *ничто*. Войдем в один из сих вместилищ *ничего*, и посмотрим, что там делается! – Вот подъезжает карета, из кареты вылезает барин, гордый, надутый важный – в *сорок пуд*. Это представитель тысячи себе подобных. Вошел в магазин, он осматривает все с величайшим вниманием, и покупает несколько яшмовых и фарфоровых чаш, которые всегда будут стоять *пустые* в углах его дома, покупает несколько малахитовых и мозаических столиков, на которых бедный никогда не увидит для себя хлеба-соли. За эти вещи барин отдает несколько тысяч четвертей ржи и пшеницы, собранных с полей его в поте чела, – и доволен, что приобрел блистательное *ничто*, потому, что люди удивляются и кланяются тому, у кого более *ненужных* вещей, то есть, у кого более *ничего*. За ним входят, оглашенный Экс-Секретарь Маралов, на которого добрые люди указывают пальцами и крестятся при встрече с ним, чтоб не впасть в искушение и избегнуть от лукавого. Маралов, почитая честь, заслугу, благородство и дворянское достоин-

ство *ничем*, скомкал все это, сбил в кучу и выплавил себе, как из выжиги, значительное состояние, и ставя *ни во что* людское мнение, наслаждается вполне своею ничтожностью. Уголовные законы и полицейская команда охраняют черномазые его ланиты от насильственного прикосновения; почтенные Члены Опекунского Совета заботятся о приращении его капитала, и Маралов преспокойно дремлет в клубе.... Посмотрите, он покупает ленточки для своего украшения!!!.. Но вот чувствительная, нежная дама с душою, вылитую в форму нашей светской образованности! Она разыгрывает в доме своем лотерею в пользу бедных, и, при одном воспоминании несчастных – плачет горькими слезами. Женские слезы, по словам поэтов, суть перлы. Как жаль, что бедные не могут продать сих перлов, и купить себе хлеба; ибо сострадательная дама не может делиться с ними своими деньгами. Ей нужна шаль, а шаль светской даме столь же необходима, как шерсть кошке. При шали нужны блонды, кружева, тюли и прочие необходимые вещи, которые из уважения к прекрасному полу, никак не смею назвать *ничем*, потому, что ценность их часто поглощает *все* имение мужа и его кредиторов. – Кроме того, можно ли назвать *ничем* то, что усмиряет женские капризы и возбуждает нежные ласки? – Если б я сказал дамам, что ценимое ими столь высоко есть *ничто*, и что они разоряют мужей своих из *ничего*, потому, что не причудливый наряд, а ум и красота прельщают нас, то на меня прогневались бы, а женский гнев опаснее барской

вежливости... Замолчу, и, чтоб гуся не раздражить, обращаюсь к самому себе.

Другие никак не хотят признаться, что они обкрадывают Вальтер-Скота, Томаса Мура, Бейрона, Гёте, Биргера, Шиллера, Делавиня, Ламартина и т. п., а я охотно соглашаюсь, что я выучился толковать о *ничем* у молодых наших мудрецов, у модных дам и у принадлежащих к ним авторов, которые не два и не три часа говорят *ничто*, но всю жизнь будут говорить и писать *ничто* и о *ничем*. Так, Александр Филиппович, я подражатель, я литературный вор! Я выкрал *ничто* из разговоров наших светских обществ и из книг, которые вы печатаете на свой счет, лелеете за стеклом, хвалите и продаете с выгодой для покупателей, ищущих с жадностью *ничего*. Недавно еще, какой-то Критик, разбирая в Северной Пчеле вновь вышедшее сочинение, намекнул на меня бранчиво и насмешливо, за то, что я когда-то сказал, что каждая книга (Роман, Поема или Сказка) должна иметь цель, основную идею и, в приятном виде, разрешать какую-нибудь философическую или политическую задачу. Посудите, какво должно быть мое преступление, когда меня разругали даже в Северной Пчеле! Это едва ли не то же, если бы гости прибили хозяина в его собственном доме за то, что он посоветовал им не бегать на четвереньках по грязи и вместе с поросятами. С этих пор я решился подражать тем, которых хвалят без умолку приятели печатно и изустно, и стану писать без цели, без мыслей, без чувств, но гладенько, чистень-

ко, – национально, т. есть, со всеми поговорками и прибаутками народными, а если можно, даже с национальной хвалюю и бранью. Я твердо уверен, что пища таким образом, я превзойду Вальтера-Скота, потому, что наши питейные дома гораздо ближе к природе, нежели Шотландские таверны.

Вы знаете, любезный Александр Филиппович, что Индейцы и последователи секты Пифагоровой верят, будто душа человека, после смерти, переселяется в скотину. Не помню, где я читал или слышал, будто это переселение душ в полной мере существует в литературном мире, и что дух великих Писателей переселяется в их подражателей, по правилам Ламайской веры. Грешный человек! я верю этому и, входя в ваш книжный магазин, всякой раз боюсь, чтобы стоящие у вас на полках Журналы, Романы, Поэмы, Драмы, Трагедии, Повести и т. п. не заблеяли не замычали и не заревели по-Английски, по-Французски, по-Немецки – и даже по-Латыни и по-Гречески! – Боюсь я от того, что сам намерен, как выше сказано, сделаться подражателем, и для достижения народности в моих писаниях, я уже принял к себе в услужение буйна кучера, пьяного Малороссийского паробка, и подружился с удалым дьячком. При сем прошу вас выписать для меня на будущий год Московские Журналы: *Телескоп* и *Молву*.

Подражание хочу я простерть гораздо далее, за пределы Литературы, Вы не поверите, мой любезный Александр Филиппович, как я был прежде прост, а притом и несчастлив, живя в свете своим умом и чувством! – Выслушайте меня!

Однажды (очень давно), я прогуливался по большой дороге, которую тогда насыпали тощие, чахлые, бледные Белорусские мужики, в своих белых войлочных магерках и грязных свитках. Белорусский народ есть чистое Славянское племя, потомки древних Кривичей, и если Киев называют колыбелью Русского Царства, то Белоруссию можно назвать пеленками. На Великороссийского мужичка любо взглянуть – крепок, могуч, здоров, весел, а родной брат его – Белорусец, произрастает на той же почве, как гриб под дубом. От чего же эта разница? – Я разговорился с Белорусом, и возвратился в город в самом неприятном расположении духа. На другой день, я пустился навещать всех моих приятелей, и стал толковать, как бы сделать Белоруса таким же плотным и толстым, как наши Великороссийские мужички. Я был так прост, что думал, будто надо мною не станут насмехаться. Надо мной стали насмехаться, любезный Александр Филиппович, и чем более я сердился, тем более надо мною смеялись! Наконец, нашлись добрые люди, которые убедили меня, что все это *ничто*, и что я дурно делаю, беснуясь из *ничего*. Все эти добрые люди, которые советовали мне не беспокоиться о чужом голоде (тогда в Белоруссии был голод), были люди толстые, жирные, здоровые, веселые, с отличным аппетитом и с достаточными средствами к удовлетворению оною, отличные игроки в вист и даже любители Изящного, то есть Театра с принадлежностями. Я вздумал подражать им, и уже сделал некоторые успехи. Недавно, бедная вдо-

ва пришла ко мне с просьбою написать ей жалобу на опекунов, которые расхитили остатки небольшого имущества её покойного мужа, оставили ее в бедности без куска хлеба, с четырьмя малолетними детьми. Я бросился к перу и кошельку, но, вспомнив советы добрых людей (сытых не делать себе врагами), сказал вдове, что все это *ничто*, и что мне нет времени из *ничего* биться. Бедная женщина заплакала и хотя не нежно, но горько!.. Первый опыт мне не удался; но я надеюсь, что скоро исправлюсь, и что из такой бездельницы, из сущего *ничего* не стану более мучиться. Вы знаете, что с твердою волею можно сделаться чем угодно, а я хочу быть счастливым, т. е. спокойным, а потому непременно достигну до того, чтобы в голове моей было *ничто*, а в сердце *ничего*. Я читал в одной старой книге, что, вовремя оно, жил-был где-то некто, который всплыл наверх из грязи, на рифмах, и после того светился, как во мраке кусок гнилого дерева. Этот некто слыл добрейшим человеком, и даже вышел в люди за доброту. Он жестоко не любил таких как я людей; но я отдаю каждому справедливость, и объявляю, что беру его за образец, и стану подражать ему, чтобы нажить себе сильных друзей и славу доброго человека. Я буду искать в женщинах, не любви, но милости, и стану лизать и лелеять их детей и собачек, писать мадригалы и рассказывать им страшные и чувствительные небылицы. Через женщин я попаду в милость к мужчинам, и стану льстишь им и сплетничать. Потом стану делать добро моим родственникам и тем,

которые льстят мне и ругают моих противников, и, наконец, каждое утро буду рассылать с моими записочками по всем моим знакомым пьяных баб и разных попрошаек, которые приходят ко мне просить подаянья. Записочка, как бы ни была чувствительно написана, стоит всегда менее наличных денег, а кроме того имеет то преимущество перед деньгами, что сделает гласным мою доброту. В заключение этого представления, я объявлю моих противников злодеями и погублю их в общем мнении – во славу и торжество добродетели, которая должна быть моим *капиталом*, приносящим по *пятидесяти на сто* верного дохода.

Все это я непременно исполню, любезный Александр Филиппович, точно так, как описано в той книге; исполню – для своей и для вашей пользы. Когда я проживу таким образом лет пять, и после того вздумаю объявишь новую подписку на старые мои сочинения, то хотя бы ими завалены были кладовые, увидите, какие вычурные дамы и какие знатные господа станут приезжать к вам, чтобы подписаться на сочинения *доброто* человека! – Журналы завопят хвалу, а если который нибудь Журналист осмелится пикнуть противу нас.... ату его! мы выпустим на него, тотчас, свору моих прытких приятелей, и если нам не удастся растерзать дерзкого, то мы загоним его в нору. Дело пойдет, как по маслу..... Держите карман!..

Но я должен признаться вам, любезный Александр Филиппович, что при всем моем желании подражать любимцам

счастья, для приобретения земных благ, я приступлю к делу со страхом и трепетом. Судьба повесила надо мною меч Дамоклеса, и этот меч – собственный мой язык. Ах, проклятый язык! – Зубы мои, слава Богу, так еще крепки, что я даже в состоянии жевать бифстекс на почтовых станциях, и так остры, что мне стоит только показать их, чтобы заставить молчать тех, которые без умолку и без причины ворчат на меня в течение нескольких лет. При всем том я не могу удержать языка за крепкими моими зубами! Если б вы знали, любезный Александр Филиппович, сколько этот язык наделал расстройств и замешательств, попавшись в приятные и усладительные беседы плутов, взяточников, лицемеров, низкопоклонников, невежд, толкующих нежно о честности, о бескорыстии, о Христианских добродетелях, об усердии к службе и о просвещении! – Куда мне деться с ним, как унять его, когда я знаю, что для приобретения друзей, покровителей и славы доброго человека, надобно уметь держать крепко язык за зубами? – У нас есть множество Грамматик Русского языка, а Грамматика излагает искусство *правильно говорить и писать*. До сих пор, не взирая на множество изданных Грамматик, у нас весьма мало людей, умеющих правильно говорить и писать, а что еще хуже, не умеющие правильно говорить и писать идут вперед, а умеющие или остаются сами назади, или отталкиваются назад неумеющими. Нельзя ли вам, любезный Александр Филиппович, заказать книгу *не-Грамматику* – которая бы научала искус-

ству *молчать* и *не писать*? Вы бы оказали этим большую услугу умным людям, и приобрели бы вечную славу и благодарность потомства!

Предмет мой, *ничто*, так богат, что если бы я дал волю своему перу, то не кончил бы этой статьи на всей бумаге, производимой в Российской Империи в течение десятилетия. Но я должен уступить место другим Авторам, и потому оканчиваю статью желанием, чтобы в вашем Альманахе было хоть *что-нибудь*, и чтоб мое *ничто* не возбудило желчи в Критиках, которое, браня меня, подвергнутся справедливому упреку, что они *бьются из ничего*.

*Мыза Карлово, возле Дерпта,
9 Ноября, 1832*